

«Ради спасения и сохранения достоинства общества».

Деятельность российских неправительственных организаций для помощи осужденным по политическим мотивам. 1917-1938.

После Февральской революции Временное правительство амнистировало политических заключенных, но к их приему учреждения новой государственной власти не были готовы. По инициативе Комитета Общественных Организаций (одна из организаций, возникших в дни Февральской революции) было создано «Бюро помощи освобожденным политическим».

Первыми сотрудниками Бюро стали работники нелегального Красного Креста. В деятельности Бюро также приняли участие представители различных общественных, партийных и других организаций: Комитет Общественных Организаций, Совет Рабочих Депутатов, комитеты партий социал-революционеров, социал-демократов меньшевиков, социал-демократов большевиков, социал-демократов Польши и Литвы, Бунд, Бюро объединенных еврейских общественных организаций, еврейская группа помощи политическим каторжанам и поселенцам, группы помощи политическим ссыльным и заключенным при Московских Высших Женских Курсах и др. группы, а также по собственному инициативе отдельные лица и сами освобожденные.

Бюро помогало освобожденным из тюрем Москвы и Петрограда временно устроиться с жильем, сосланным в отдаленные места и находящимся в вынужденной эмиграции помогало вернуться домой, устроиться на работу, направляло на лечение в больницы и на отдых в санатории, снабжало продовольствием, одеждой, обувью и т.д. В Бюро входил ряд комиссий: финансовая, продовольственная, квартирная, вокзальная (для встречи приезжающих), медицинская, юридическая и др. В Петрограде эта работа проводилась под руководством Веры Николаевны Фигнер, в Москве — Екатерины Павловны Пешковой (причем, на эту должность они были избраны).

Большие задачи, взятые на себя Бюро, требовали и больших средств. Непосредственно от правительства Бюро их не получало и должно было изыскивать самостоятельно, для чего была создана финансовая комиссия и она успешно справилась с возложенной на нее задачей. По данным Московского «Бюро помощи освобожденным политическим» им было собрано более 1 млн рублей. Наиболее крупные суммы поступили от Петроградского Общества помощи политическим (более трети от собранной суммы), от Московского Биржевого Комитета, от объединенных еврейских обществ, от Московского Комитета Общественных Организаций, от Московского Городского Самоуправления, от Всероссийского Союза торговли и промышленности, от Союза артистов, от Общества аптекарей, от Екатеринбургского Исполнительного Комитета, от нелегального Красного Креста, от партии социал-революционеров, по подписным листам, через газеты, от продажи пожертвованных картин, от концертов и др. Из сумм, поступивших по подписным листам и через газеты, значительное количество приходилось на поступления с заводов, фабрик и контор, собранные путем отчислений с постоянного жалования.

Как видим, в сборе средств участвовало множество граждан России, **и только благодаря** этому удалось в чрезвычайно трудных условиях организовать помощь политическим освобожденным. Такой подъем общественной активности был вызван победившей революцией, свергнувшей самодержавие и провозгласившей социальное равенство сословий, должно обеспечить счастливую жизнь граждан.

Какое число освобожденных политических заключенных было в царской России в 1917 году, и к каким социальным слоям они принадлежали? Мы располагаем некоторыми сведениями, полученными Московским «Бюро помощи освобожденным политическим», которое проводило регистрацию амнистированных с 1 марта по 1 августа 1917 года. Бюро (его юридической комиссией) было зарегистрировано 2367 человек и из заведенных карточек 2 тысячи были проанализировано.

Согласно полученным данным, большинство освобожденных около 65 % имело рабочие профессии, лица интеллигентных профессий, включая учащихся высших и средних учебных заведений, составляли около 27 %. По партийным и иным организациям освобожденные располагались следующим образом: Р.С.-Д.Р.П. – 530 человек; С.-Р. – 488; П.П.С. и П. с.-д. – 199; анархисты -165; Бунд- 51; латышские с.-д. – 22; украинцы – 2; дашнакцутюн - 2; национальные рабочие союзы и организации -12; военные организации и боевые группы – 22; воинские чины – 251; осужденные за религиозные убеждения – 130; разные беспартийные – 71 (остальные лица этих сведений о себе не представили). К сожалению, приведенные данные нельзя признать достаточными, но все же по ним можно составить представление об осужденных по политическим статьям в царской России.

К лету 1917 года «Бюро помощи освобожденным политическим» выполнило свои основные задачи, кроме одной – оказания медицинской и санаторной помощи нуждающимся в ней; для этой цели было организовано «Бюро Курортно-санаторной помощи», которому были переданы дела освобожденных и оставшиеся средства.

* * *

Однако с лета 1917 года российские тюрьмы стали вновь наполняться политическими заключенными. Временное правительство прибегло к политическим арестам после неудавшегося июльского восстания большевиков. Число арестованных по политическим мотивам начало стремительно расти после Октябрьской революции, когда большевистская власть, чтобы одержать победу над многочисленными противниками, ввела режим жесточайшей диктатуры. Война и диктатура неизбежно влекли за собой огромное количество жертв. Среди политических заключенных оказались не только активные враги Советской власти, но и множество людей, не имевших отношения к политической борьбе и готовых подчиняться любой власти. Были арестованные по ошибке из-за некомпетентности местных властей (иногда не только юридически, но и просто малограмотных); были заложники; были и те, в чьей поддержке неокрепшее государство остро нуждалось: кооператоры, врачи, преподаватели, специалисты в разных областях; было и много недавних товарищей по борьбе с самодержавием и отношение к ним у новой власти окончательно еще не определилось.

Содержание арестованных в перегруженных следственных изоляторах, тюрьмах и других местах заключения в условиях войны, болезней, острой нехватки пищи и одежды, часто в долгом ожидании начала следствия и приговора, не соответствовало никаким гуманитарным

нормам. Более того, эпидемии, поражавшие заключенных, являлись источниками заразы, угрожавшей всему населению.

«В такой-то беспримерный по обостренности политических и социальных отношений момент у некоторых представителей русской общественной мысли в Петрограде и Москве возникла **идея о необходимости и важности именно в этот период жизни страны, в момент наивысшего государственного и общественного развала, поднять старый стяг русской общественности — знамя уважения к человеку и заботы о попираемой человеческой личности.** <...> Характерно, что мысль об осуществлении поставленной задачи возникла почти одновременно и почти независимо как в Петрограде, так и в Москве <...>, эта идея и не была нова потому, что тяжелое прошлое русской общественности уже знало борьбу за эту идею и частичное ее осуществление», — так рассказал о решении российской общественности возродить политический Красный Крест председатель московского политического Красного Креста Н. К. Муравьев¹.

«Представители власти понимали, что без содействия общественных сил, одними средствами государственной организации они справиться не смогут», — говорилось в извещении о начале работы возрожденного политического Красного Креста.

Сообщения о возникновении Комитетов политического Красного Креста появились в декабре 1917 года в оппозиционных газетах, а в мае 1918 года в московских газетах («Наше Слово», «Жизнь» и др.) было напечатано извещение о начале работы «Российского общества Красного Креста для помощи политическим заключенным» (Политический Красный Крест, далее ПКК).

Ранее, еще в начале 1918 года, деятельность ПКК была легализована — впервые за все время своего существования он обрел легальный статус. По-видимому, легализации ПКК в значительной степени способствовала неуверенность большевиков в прочности своей власти: ведь прошло всего несколько месяцев после Октябрьской революции, и победа большевиков еще не казалась несомненной. Недаром в извещении о возобновлении работы ПКК высказывалось такое соображение: «Политический Красный Крест и ныне, как прежде, пользуется всеобщим признанием, ибо лица всех политических партий и вне партийные не могут не сознавать, что исторические судьбы политической борьбы переменчивы, что за июльскими днями следуют октябрьские события, и политический побежденный сегодня становится победителем завтра, и наоборот».

В том же извещении о возобновлении работы ПКК были сформулированы цели и платформа Общества: «Следуя старым традициям русской общественности, политический Красный Крест не преследует политических целей. Он является учреждением непартийным: для него одинаково дороги интересы лиц всех партий и внепартийных, кого привлекла в пределы тюремных стен борьба за идею.<...> В момент наивысшего государственного и общественного развала, в эпоху обострившейся классовой вражды и ненависти московский политический Красный Крест с верой в успех своих усилий вновь поднимает свой прежний стяг, — уважения к человеку, заботы о человеческой личности, стремления облегчить страдания людей, — памятуя, что эта

¹ «Краткий очерк возникновения и деятельности Общества Красного Креста для помощи политическим заключенным в России /Политический Красный Крест/ (записка, составленная Н.К. Муравьевым для Комитета Международного Красного Креста // ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 1. С. 31-36.

общественная функция во всяком культурном обществе должна быть выполнена, пока с достижением лучшего общественного строя не осуществится давняя мечта многих о счастье всего человечества».

И далее деятели ПКК обращались к российскому обществу с просьбой о моральной и материальной поддержке: «Московский политический Красный Крест уверен, что в этом его начинании его поддержат все культурные элементы русского народа независимо от их общественного положения, политической веры и национальной принадлежности». Учредители ПКК подчеркивали, что целью деятельности Общества является защита достоинства и прав человеческой личности, а необходимым условием деятельности — отсутствие политических целей, внепартийность, невмешательство в политическую борьбу. И вновь цитируем Н.К. Муравьева: «Несмотря на свое название, наше Общество не преследует политических целей, что не мешает, однако, по мнению его основателей и главнейших работников, иметь крупное общественное значение и интерес. Нам представляется совершенно необходимым, чтобы в момент наиболее обостренной политической борьбы <...> группа общественных работников, отойдя несколько в сторону от политической склоки и проведения идей диктатуры, подразумевающей максимум насилия в политико-социальной жизни, чтобы эта группа общественных работников, ради сохранения остатков культуры, безмерно страдающей в такие политические моменты жизни страны, ради спасения и сохранения достоинства общества, стала под знамя внепартийности, невмешательства в политическую борьбу, как необходимых условий своей деятельности, и всеми доступными ей средствами выступала в защиту идеи достоинства и прав человеческой личности, как таковой, поставив эту защиту в качестве цели своей деятельности. Нам, работникам Общества, казалось, что если в момент крайней ломки политического и глубокого потрясения социального строя страны главнейшим деятелям переворота так естественно забывать в ожесточенной борьбе, что политические достижения, что социальные преобразования являются только средством, а целью — должно быть счастье народа, развитие человеческой личности, то этого не должны забывать те, быть может, немногие общественные работники, которые найдут в себе достаточно твердости и мужества, чтобы, не принимая участия в политической борьбе, во всеуслышание высказать эту мысль об огромной ценности человеческой личности, ныне безмерно попираемой, и о необходимости сосредоточить все усилия на том, чтобы ее достоинства и ее права терпели в общей схватке наименьший ущерб»².

Учредителями Московского Комитета ПКК (далее МПКК) были 50 человек, большинство из них известные еще с дореволюционных времен политические и общественные деятели, юристы, врачи, литераторы. Вступая в беспартийный политический Красный Крест, они должны были оставить членство в политических партиях. Число членов МПКК с годами увеличивалось, несмотря на то, что некоторые из них были арестованы, а другие покинули Советскую Россию (эти обстоятельства особенно коснулись учредителей Общества). К концу 1918 года МПКК насчитывал 227 членов, а к марту 1922 года — 857 членов. По нашим данным в то или иное время членами МПКК состояло около тысячи человек.

² Речь Н. К. Муравьева на годовом собрании МПКК от 14 марта 1919 года // «Стой в завете своем...» Николай Константинович Муравьев Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. //Москва, ООО «АМА-Пресс». 2004. С. 124-125.

Председателем МПКК был избран Н.К. Муравьев, его заместителем Е.П. Пешкова, секретарем М.Л. Винавер, почетным председателем — В.Г. Короленко.

В Уставе МПКК было записано, что он учреждается «с целью моральной и материальной помощи лицам, лишенным свободы по политическим мотивам, без различия их партийной принадлежности и исповедуемых ими убеждений», что деятельность его «простирается на территорию всего государства Российского» и действует он в согласии с принципами Международного Красного Креста. Центральные органы управления МПКК включали: Общее Собрание членов, Совет Общества, Центральный Комитет Общества и состоящие при нём исполнительные комиссии (финансовую, хозяйственную, юридическую, медицинскую, библиотечную и др.) и Центральную Ревизионную Комиссию.

Средства МПКК складывались из обязательных членских взносов и путем сборов как в России (пожертвования организаций и частных лиц, благотворительные лекции, спектакли и концерты, продажа книг и др.), так и, согласно традиции Российского революционного движения, за границей (от частных лиц и различных группировок русской эмиграции, таких как «Политический Красный Крест» в Париже, «Политический Красный Крест» в Берлине, БУНД, Женевский «Комитет помощи политическим заключенным в России», «Общество помощи русским политическим заключенным» в Филадельфии, Американское «Общество помощи заключенным социалистам в России», нью-йоркское «Общество помощи русским ссыльным» и др.).

Организации ПКК были созданы еще в ряде российских городов: Петрограде (председатель В.Н. Фигнер, позднее: М.В. Новорусский, С.П. Швецов, В.П. Гартман), Харькове (председатель Л.Б. Сандомирская), Полтаве (С.В. Короленко, П.С. Ивановская). Московский ПКК был самым значительным и вскоре после своего образования начал играть роль Всероссийского, а позднее и Всесоюзного.

ПКК ставил своей задачей все виды материальной и юридической помощи политическим заключенным: снабжение нуждающихся продуктами питания, одеждой, лекарствами, книгами, журналами, газетами и др., хлопотами перед властью об облегчении условий заключения и ускорении движении дел арестованных, об изменении приговора, о применении амнистии и др. В конце 1918 года в юридической комиссии МПКК работали 42 юриста, юридическая помощь оказывалась арестованным безвозмездно, как и всякая другая помощь, исходящая от политического Красного Креста. Следует добавить, что материальную помощь, если имелись средства, МПКК оказывал не только политзаключенным, но и их семьям, а также бывшим политкаторжанам.

В отличие от дореволюционного политического Красного Креста, который помогал преимущественно революционерам, то есть «борцам за идею», вновь созданный ПКК оказывал помощь не только членам политических партий. К политическим заключенным причислялись следующие категории лиц: все лица, обвиняемые в принадлежности к политическим партиям; заложники, взятые в качестве таковых за лиц, обвиняемых в политических деяниях; лица, обвиняемые в правонарушениях, совершенных по религиозным мотивам; лица, обвиняемые в контрреволюции; лица, обвиняемые в шпионаже по идейным соображениям; военнопленные гражданской войны. ПКК оказывал помощь всем политическим заключенным, независимо от их

национальной принадлежности, кроме иностранцев, которые получали поддержку от своих Красных Крестов.

Заключенные, осужденные по уголовным статьям, в число подопечных МКК не входили, за исключением лиц, находящихся в следующих обстоятельствах: матери, арестованные при наличии малолетних детей; беременные женщины; несовершеннолетние; старики; психически больные; лица, арестованные в засаде; лица, приговоренные к смертной казни; лица, объявившие голодовку.

Представители карательных органов часто упрекали МКК, что он хлопочет лишь о буржуазных элементах, игнорируя пролетарский. Чтобы опровергнуть это обвинение, Юридическая комиссия в своем отчете за 1919 год разделила лиц, за которых ходатайствовал МКК, по социальному положению и привела цифры в процентах. Выглядели они следующим образом: 1) рабочие – 325 человек – 25%, 2) крестьяне – 130 человек – 10%, 3) трудовая интеллигенция (врачи, адвокаты, инженеры, бухгалтеры и конторщики, учителя) - 390 человек – 30%, 4) буржуа и офицеры – 325 человек – 25%, 5) иностранцы – 130 человек – 10%.

Эти цифры характеризовали социальную принадлежность подопечных МКК, численный состав разных категорий политзаключенных не был проанализирован. Степень помощи, которая оказывалась разным категориям политзаключенных, не была одинаковой. Большое внимание (по традиции, унаследованной от дореволюционного политического Красного Креста) уделялось помощи членам политических партий. С монархистами, кадетами и народными социалистами советская власть расправилась довольно быстро и по мере ее укрепления тюрьмы наполнялись членами социалистических партий и анархистами. В советских тюрьмах они оказались в привилегированном положении по сравнению с другими политзаключенными. Этому в значительной степени способствовало то обстоятельство, что многие из них прошли царские тюрьмы и ссылки и имели опыт борьбы за свои права. В советских тюрьмах они группировались в соответствии с партийной принадлежностью, выбирали своего старосту и через него общались с тюремной администрацией и с карательными органами, предъявляя к ним свои требования (эти требования относились, в основном, к питанию, к условиям и режиму содержания в местах заключения, а затем — к месту высылки). Этой категории политзаключенных оказывалась поддержка и товарищами по партии, находящимися на воле (как в России, так и за границей), а кроме того, среди активных членов Политического Красного Креста были бывшие социал-революционеры и социал-демократы, которые всячески старались помочь своим товарищам по борьбе за светлое будущее, выделяя их из других подопечных.

Немалое внимание МКК оказывал и заложникам. В первые годы советской власти государство широко использовало институт заложников. МКК включил их в категорию своих подопечных и пытался всячески облегчить судьбу, как отдельных лиц, так и групп людей, арестованных по этому принципу. Так, в июле 1921 года из Тамбовской губернии в Кожуховский концлагерь было привезено 313 заложников, в том числе 180 в возрасте от 2-х месяцев до 16-ти лет. Работники МКК оказывали этим заложникам большую материальную и юридическую помощь. Более того, юридическая помощь оказывалась не только им, но и самим участникам тамбовского восстания. Политический Красный Крест включил их в число своих подопечных, «принимая во внимание, что тамбовцы, формально числящиеся бандитами, являются, в сущности, арестованными за участие

в Антоновском движении». Уполномоченные МПКК выясняли причины ареста каждого из арестованных тамбовцев и предъявляемое к нему конкретное обвинение.

Что касается помощи лицам, обвиняемые в правонарушениях, совершенных по религиозным мотивам, то среди подопечных МПКК эта категория заключенных до 1922 года была невелика и состояла, в основном, из верующих, отрицавших принудительные работы, и заключенных в лагерь за отказ от исполнения трудовой повинности. МПКК обычно не хлопотал напрямую перед властными структурами об их освобождении, а обращался к организациям, объединявшим последователей Л.Н. Толстого, с просьбой ходатайствовать за этих заключенных. Но после издания в феврале 1922 года декрета об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих началась жестокая антицерковная кампания. Защита прав арестованных священнослужителей в ситуации голода в стране была обречена на провал, и поэтому МПКК, как правило, возбуждал лишь индивидуальные ходатайства в случаях болезни или преклонного возраста арестованного. Однако в случаях смертных приговоров МПКК возбуждал ходатайства о помиловании. Так было в случае, когда попытки москвичей противостоять изъятию ценностей из московских храмов и монастырей привели к аресту 54 священнослужителей и мирян. Две недели с 26 апреля по 8 мая 1922 года в Политехническом музее проходил показательный "процесс 54-х". По нему Ревтрибуналом было вынесено одиннадцать смертных приговоров. В результате многочисленных ходатайств МПКК постановлением Политбюро от 18 мая 1922 года число приговоренных к ВМН было сокращено до пяти.

Право на жизнь каждого приговоренного к смертной казни Политический Красный Крест всегда пытался защитить.

Как уже говорилось выше, Политический Красный Крест являлся организацией не политической, лояльной к власти и, что представляет **для нас** важнейшее значение, – общественной. Общественный характер организации подчеркивался его деятелями: «В нашей деятельности, в нашем поведении мы строго соблюдали линию общественности». Это означало, что Политический Красный Крест никогда не входил ни в какие комиссии, образованные властями, несмотря на систематические приглашения последних, и никогда не принимал никаких денег, предлагаемых властями, несмотря на постоянно испытываемую недостаточность средств. Стремление к общественной самостоятельности и независимости соответствовало старым традициям политического Красного Креста.

Октябрьская революция отменила Уголовный кодекс, упразднила институт адвокатуры и суда, основанный на правовых нормах, в России «была официально принята доктрина о несовместимости охраны прав личности с задачей революционного переустройства не только политического, но и социального строя»³. Однако среди людей, пришедших к власти, были и те, кто мечтал построить правовое государство. Так, первый нарком юстиции И. З. Штейнберг, при содействии которого Политический Красный Крест обрел легальный статус, был

³ «Краткий очерк возникновения и деятельности Общества Красного Креста для помощи политическим заключенным в России /Политический Красный Крест/». ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

юристом, получившим образование в Гейдельбергском университете. Назначенный наркомом юстиции 12 декабря 1917 года, он через неделю после назначения, 19 декабря, подписал "Инструкцию" Ревтрибуналу о «прекращении систематических репрессий против лиц, учреждений и печати». На закон ссылался и Управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич. В августе 1918 года он направил в Наркомюст письмо с описанием состояния тюрем и других мест заключения и требованием привести их в порядок, установленный законом. В письме говорилось, что «такие тюремные порядки недопустимы в Социалистической Советской Республике». На гуманное уголовное право, создаваемое в РСФСР, значительно позже – уже в 1921 году ссылался юрист А. С. Тагер, бывший председателем юридической комиссии МПКК. Он писал: «Как в обычной войне между государствами раненые и больные воины являются страдающими, так и в гражданской войне такими страдающими являются политические обвиняемые, задержанные и арестованные. “Руководящие начала по уголовному праву РСФСР” стоят на точке зрения не причинения даже преступнику бесполезных и лишних мучений (ст. 10 разд. 11) – Собр. Узак. № 66 за 1919 г.».

Пока шла гражданская война, пока государство диктатуры пролетариата только формировалось, и его государственные структуры только выстраивались, сохранялись надежды на то, что новая власть, укрепившись, начнет строить правовое государство. Но после безжалостного подавления Кронштадтского восстания стало ясно, что деятелям ПКК при защите своих подопечных эффективнее пользоваться не ссылками на законодательство, а просьбами о смягчении их участи. И они обращались с такими просьбами к высокопоставленным людям и влиятельным лицам, работающим в государственных структурах. Успеху этих личных ходатайств в значительной степени способствовало то обстоятельство, что в первые годы советской власти высокие посты занимали люди, в недавнем прошлом преследуемые прежними — царскими властями и находившие в ту тяжелую для них пору защиту у деятелей Политического Красного Креста, благодарность к которым они сохранили.

По мере укрепления советской власти ее отношение к Политическому Красному Кресту становилось все более негативным. Наибольший протест деятельность Общества (ее правозащитный аспект) вызывала у карательных органов, чашу терпения которых переполнила позиция, занятая Политическим Красным Крестом во время судебного процесса над ЦК партии эсеров. В ответ карательные органы предприняли действия, в результате которых деятельность Политического Красного Креста **была приостановлена**, а фактически – прекращена.

Этому предшествовали следующие события. 3 августа, за несколько дней до вынесения приговора по процессу ЦК партии эсеров, в помещении приемной МПКК сотрудниками ГПУ был произведен обыск, в результате которого были обнаружены документы, подтверждающие связь деятелей МПКК с подследственными. В тот же день ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». Через неделю, 10 августа 1922 года, ВЦИК утвердил инструкцию «О порядке регистрации общественных организаций», согласно которой общественные организации РСФСР были обязаны в двухнедельный срок с момента публикации этих документов зарегистрироваться в органах внутренних дел и в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

13 августа 1922 года на секретариате Коллегии ГПУ слушался доклад о деятельности ПКК. Доклад представила заместитель начальника Секретного Отдела ГПУ А.А. Андреева. В докладе говорилось о том, что, «преследуя якобы только гуманитарные цели, заявляя официально о своем "нейтралитете" и стоя на точке зрения человеческой справедливости, Полит<ический> Кр<асный> Кр<ест> в течении трех лет вводил в заблуждение Государственные учреждения во вред Рабоче-крестьянскому правительству. <...> В течение последних двух лет представители Кр<асного> Кр<еста> буквально осаждали нас своими настойчивыми требованиями об освобождении заключенных (всех без разбора категорий преступников). Пользуясь огромными связями в обществе как среди беспартийных ответственных работников, так нередко и коммунистов, этот напор Кр<асный> Кр<ест> производил через последних». Последнее утверждение во многом соответствовало действительности.

В докладе утверждалось, что представители ПКК выполняли роль посредников между заключенными и их партиями на воле; что благодаря осведомленности ПКК в заграничной прессе все чаще появлялись сведения о работе карательных органов РСФСР, в частности ГПУ; что нередко бывали случаи, когда в ГПУ не было сведений об арестах и перебросках заключенных из провинции, а ПКК эти сведения уже имел. Эти утверждения также соответствовали действительности.

В докладе утверждалось, что ПКК имел связи со всеми государственными учреждениями, которые мог использовать для пополнения своего бюджета, что он широко использовал меньшевиков и эсеров, работающих легально в этих органах. «Средства Кр<асного> Кр<еста> при содействии меньшевиков отпускались за счет государства "для поддержания здоровья его врагов". Для доказательства последнего в ГПУ имеются документы», — говорилось в докладе. И эти утверждения также соответствовали действительности.

Из сказанного делалось заключение о том, «насколько вредной для республики является деятельность этой враждебной организации» и предлагалось «Политический Красный Крест как организацию, существующую явочным порядком, нигде не зарегистрированную, официально закрыть».

25 августа 1922 года, на заседании коллегии ГПУ слушалось судебное дело «по обвинению самочинной организации Политического Красного Креста в контрреволюции». Коллегия постановила: «Деятельность Общества Московского Политического Красного Креста немедленно приостановить. Помещение его опечатать; у членов Комитета его отобрать подписки о явке к следствию и невыезде из г. Москвы. Начать следствие по обвинению членов Комитета и других активных членов этого Общества в контрреволюции».

Таким образом, в августе 1922 года деятельность Политического Красного Креста была **приостановлена**, а фактически, прекращена.

Судебное дело по обвинению деятелей МПКК длилось год — до августа 1923 г., но судьба Общества была решена значительно раньше. В заключении по делу МПКК, подписанном 30 августа 1923 года, говорилось: «По собранным СО ГПУ агентурным материалам МПКК, имеющий гуманитарные цели помощи в России политзаключенным, уличался в посредничестве в сношениях политзаключенных с "волей", способствовал появлению в заграничной печати сведений о работе органов ГПУ и т. п. антигосударственных деяниях.

Однако на этом история Российского политического Красного Креста не закончилась. Он просуществовал под другим названием, с другой структурой и в другом статусе еще пятнадцать лет: произошла реорганизация комитета в "помощь политзаключенным" во главе с гражданкой Пешковой, каковой ныне разрешено свою деятельность продолжать». Новая организация называлась «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (далее ПОМПОЛИТ).

Е.П. Пешкова в 1922 году была председателем Комитета МПКК (кроме того, она была Уполномоченной Бюро Польского Красного Креста в СССР – организации, имеющей международный статус). В списке активных работников МПКК, привлеченных к следствию, ее имя стояло первым. Однако вскоре после закрытия МПКК ей удалось получить в ГПУ (не совсем понятно почему) разрешение на продолжение работы по оказанию помощи политзаключенным. 11 ноября 1922 г. секретариат Коллегии ГПУ выдал ей удостоверение за подписью И. С. Уншлихта (зам. председателя ГПУ) о том, что «помещение по Кузнецкому Мосту д. 16, занимаемое бывшим Московским Политическим Красным Крестом, со всем имуществом его, переходит к ней, Е. П. Пешковой, для работы по оказанию помощи политическим заключенным и их семьям».

В отличие от МПКК, ПОМПОЛИТ не имел устава, не имел выборного руководства. Кандидатуры Е.П. Пешковой и ее заместителя М.Л. Винавера (ее заместителя и по работе в МПКК и по работе в Бюро Польского Красного Креста) были не выборными, а утвержденными ГПУ. Право обращаться в органы со всеми вопросами, просьбами, ходатайствами предоставлялось одной Е.П. Пешковой (или в ее отсутствие М.Л. Винаверу), остальные сотрудники (около полутора десятков) являлись техническим аппаратом. Другие группы политического Красного Креста, работающие в СССР (Петроградская, Харьковская, Полтавская) с запросами и ходатайствами о своих подопечных могли обращаться в органы только через ПОМПОЛИТ.

В функции ПОМПОЛИТа так же, как и в функции МПКК, входило оказание материальной помощи заключенным и их семьям (деньги, продукты, одежда, лекарства, книги, газеты и др.), но, в отличие от МПКК, ПОМПОЛИТ не обеспечивал юридической защиты своим подопечным, он мог только запрашивать компетентные органы и ходатайствовать перед ними. Круг запросов, с которыми ПОМПОЛИТ обращался в органы, был довольно широким и касался хода следствия, приговора, места нахождения арестованного и др. Кроме того, ПОМПОЛИТ мог ходатайствовать перед органами о пересмотре дела, о сокращении срока заключения, ссылки или ограничений места проживания, о замене места ссылки, о свободном проживании, о соединении с семьей, о разрешении свидания, о замене заключения или высылки выездом в Польшу или Палестину, о получении виз и паспортов на право выезда за границу и другом. При этом ПОМПОЛИТу было предоставлено право общения лишь с карательными органами, ВЦИК и Прокуратура на его запросы не отвечали.

Средства ПОМПОЛИТа, как когда-то средства политического Красного Креста, складывались из сборов, производимых внутри страны, и из средств, поступающих из-за границы. Сборы внутри страны, однако, очень скоро свелись, в основном, к небольшим пожертвованиям, предназначенным для оказания помощи или персональной (чаще от родных осужденного), или лицам, принадлежащим к определенной политической или конфессиональной ориентации (так, полулегальный

анархистский «Черный Крест» осуществлял помощь своим осужденным товарищам через легальный ПОМПОЛИТ). Работа в Бюро Польского Красного Креста давала возможность выездов за границу, что также облегчало сбор средств. Заграничные деньги тоже чаще были целевыми, т.е. предназначались определенным лицам или членам определенных политических партий или религиозных конфессий, но были и деньги, пересылаемые в собственное распоряжение ПОМПОЛИТа. С конца двадцатых годов, когда начались массовые высылки крестьян в связи с коллективизацией, денег для оказания материальной помощи стало катастрофически не хватать. В тридцатые годы работать ПОМПОЛИТу становилось все труднее: число репрессированных стремительно росло, средств становилось все меньше, органы все реже удовлетворяли его ходатайства. Со временем основной деятельностью организации стала справочно-информационная служба.

В апреле 1937 г. власти закрыли Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста в России. Вскоре после этого (в августе 1937 г.) был арестован М.Л. Винавер и приговорен к 10 годам ИТЛ по обвинению в шпионаже в пользу Польши. 15 июля 1938 г. учреждение «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» было официально закрыто.

ПОМПОЛИТ, в отличие от МПКК, не был организацией правозащитной и общественной в подлинном значении этого слова, он работал с разрешения ГПУ и находился под контролем ГПУ-ОГПУ-НКВД, но благодаря его существованию в советской России оказывалась помощь политическим заключенным и их семьям.

Таким образом, неправительственные организации, помогающие осужденным по политическим мотивам, работали в советское время легально в течение двадцати лет (1918-1938) вплоть до того времени, когда все, даже потенциальные противники сталинского режима, были уничтожены и, фактически, утвердилось диктатура одного человека. В дальнейшем организованную помощь осужденным по политическим мотивам советская общественность начала оказывать лишь в начале 70-х гг. XX века (спустя 20 лет после смерти Сталина), когда был создан полулегальный «Русский общественный фонд помощи преследуемым и их семьям», больше известный как «фонд Солженицына».

Архив МПКК после того, как Общество закрыли, был переслан в Центроархив и находился на секретном хранении. Архив ПОМПОЛИТа после закрытия учреждения «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» был также отправлен на секретное хранение. О существовании ПОМПОЛИТа, а тем более МПКК, в советское время предпочитали не вспоминать. В начале девяностых годов минувшего века архивы этих организаций были рассекречены и с тех пор их исследованием занимаются сотрудники Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал».

Основная часть архива МПКК хранится в ГАРФе и очень небольшая - в ЦГАМО, архив ПОМПОЛИТа хранится в ГАРФе. Опись архива МПКК, хранящегося в ГАРФе, включает 388 дел, содержащих в общей сложности более 40 тысячи листов, в ЦГАМО – 10 дел (около 2-х тысяч листов). Архив ПОМПОЛИТа включает более 1700 дел (1728 дел), каждое из которых содержит в среднем 200-300 листов.

В архиве МПКК сохранилось более десяти тысяч анкет-вопросников за 1919-1922 годы. Они были разработаны юридической комиссией МПКК вначале в виде карточек, позже – в виде опросных листов и выдавались

для заполнения в московских тюрьмах и концлагерях уполномоченными МПКК или тюремной администрацией.

ПОМПОЛИТ на своих подопечных таких анкет не заводил и потому, что его сотрудники были лишены доступа в тюрьмы, и потому, что число арестованных и осужденных по мере укрепления советской власти непрерывно росло. Особенно быстро оно начало расти после организации Соловецкого лагеря (в октябре 1923 года), и еще быстрее – с началом массовой высылки (в 1924 году, когда было организовано Особое Совецание при Коллегии ОГПУ, получившее право высылать, ссылать и заключать в концлагерь сроком до трех лет). С началом коллективизации число репрессированных росло лавинообразно. Сотрудники ПОМПОЛИТа получали сведения об арестованных и осужденных, как правило, по письмам или заявлениям их самих или их родственников, реже – друзей и знакомых. По этим сохранным в архиве письмам или по ответам на отсутствующие письма мы можем судить о количестве и социальной принадлежности репрессированных, обращавшихся в ПОМПОЛИТ в разные годы. Их более ста тысяч, это члены политических партий (монархисты, кадеты, народные социалисты, социалисты и анархисты, троцкисты, децисты, бундовцы, сионисты, члены национальных партий и др.); лица, осужденные за сословную принадлежность (бывшие дворяне, промышленники, помещики, офицеры царской армии и военные моряки, в том числе служившие в Красной армии и участвовавшие в решающих сражениях с войсками Белой армии, государственные служащие департаментов дореволюционной России и др.); ученые и философы, юристы и экономисты, историки и литераторы, краеведы и географы, физики и химики, геологи и биологи, инженеры всех отраслей промышленности (тяжелой и легкой: металлургической, машиностроительной, железнодорожной, лесной, пищевой и др.), сельская интеллигенция (землеустроители, агрономы, животноводы, ветеринары, зоотехники), учителя, врачи, библиотекари; верующие разных конфессий, как священники, так и миряне (православные, католики, протестанты, баптисты и др.); толстовцы, теософы, мистики; те, кто переписывался с родственниками, живущими за границей; те, кто ходатайствовал о выезде из СССР; иностранцы; перебежчики; учащаяся молодежь; участники студенческих и других кружков; рабочие и крестьяне – люди различных национальностей, возрастов и профессий, живущие в советской России.

Архивные документы МПКК и ПОМПОЛИТа являются бесценными свидетельствами, повествующими о масштабе и характере репрессий в первом социалистическом государстве, а также о трагедии бесправия, ставшей буднями советской России и оказавшей сильнейшее влияние на формирование ментальности советского народа.

Но кроме того, знакомство с документами МПКК и ПОМПОЛИТа дает возможность убедиться в том, что в России в первые послереволюционные годы существовало гражданское общество и общественная организация, которые в жестокое время братоубийственной войны, голода и разрухи смогли противопоставить диктатуре власти идеалы милосердия и ценности отдельной человеческой жизни, и что стремление следовать этим идеалам помогало даже в самые бесчеловечные годы сохранять жизнь людей и их человеческое достоинство.

Л. Должанская